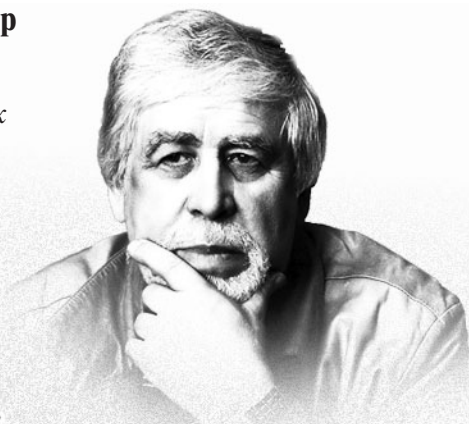

**Владимир
СКИФ**
г. Иркутск

«И удлинится день...»

* * *

Мир деревенский, многогранный,
Земля моя, мой край желанный,
Я зрю проталины твои,
Я вижу твой рассвет туманный
На дне глубокой колеи.

Я вижу старенькие бродни,
К ручью построенные сходни,
В ложине — серую копну,
И лист подгнивший прошлогодний,
Как будто втоптаный в весну.

Рассвет к околице прилажен,
Спит детства давнего шалашик,
Где мы скрывались от дождя.
Ворс тишины рукой поглажу,
По тихой роще проходя.

Не вижу малого изъяна
В родном краю, на той земле,
Где блещет радугой поляна
И светит капелька тумана
У спящей птицы на крыле.

Владимир Петрович СКИФ —
поэт, родился в 1945 г.

в п. Куйтун Иркутской области.

Автор 23 книг.

Член Союза писателей России.

Секретарь правления Союза писателей России.

Член Приёмной коллегии Союза писателей России.

Член редколлегии журнала «Подъём» (Воронеж).

Завотделом поэзии журнала «Сибирь».

Лауреат всероссийских

и международных литературных премий.

* * *

Век за веком тянется,
То гора, то падь.
«Что же с нами станется?» —
Думаем опять.

Пролетает утица,
Селезень — за ней...
Что же с нами сбудется
По скончаньи дней?

Полночь бредит зорькою,
На дворе — черно.
Выпиваем горькое
Тёмное вино.

Выпьем — и обманется
И душа, и кровь...
Что же в нас останется?
Истина? Любовь?

Где и с кем ты, истина?
Кормишься с ножа...
Вон уже освистаны
Память и душа.

Век стальной и каменный,
Горестные дни.
В мире неприкаянном
Мы совсем одни...

Улетает утица
В дальнее гнездо.
Что-то с нами сбудется...
Мы не знаем — что...

* * *

И удлинился день,
 как хрусткая сосулька,
 И оперился день, как лёгкая стрела,
 Чтоб вдребезги разбить
 стеклянные сосуды
 И вылить желтый мёд весеннего тепла.

И преломился свет,
 и, к сердцу припадая,
 Повысветил внутри угрюмые углы.
 И подавился снег,
 коросту льда глотая,
 И выдохнули сон – могучие стволы.

К весне катился мир,
 как звонкое колечко,
 Дымилась в вышине небесная плита.
 И посреди камней
 стремительная речка,
 Как юная змея, снимала кожу льда.

Круглилась тишина,
 и в ледяной купели
 Купались воробьи. Оттаивал причал.
 Катились по душе,
 как шарики капли,
 И разбивались в пыль тревога и печаль.

* * *

Под оловянную луну
 Видны дороги белые.
 Залиты тёмной тишиной
 Поля заледенелые.

Снегами запечатал лес
 Чащобы непролазные,
 И звёзды сеются с небес,
 Как семена алмазные.

Душа потянется к звезде
 Среди пространства голого.
 Чугунный ворон на кресте
 Луны проглотит олово.

Земля и небо надо мной
 Поделят вечность поровну.
 Ничто не вечно под луной,
 И только вечны – вороны!

* * *

Гроза гремела на полсвета,
 Катился гром из тишины.
 Ты пряталась под крышей лета,
 А я за пазухой весны.

Я по весенним дням шатался,
 Там были у меня дела.
 Я при весне бы и остался,
 Да только ты меня нашла.

Корить, расспрашивать не стала,
 Тебе ответы не нужны...
 Ты, как шенка, меня достала
 Из тёплой пазухи весны.

ЗЕМЛЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Небеса тяжелеют свинцово,
 Леденеет непрочная даль.
 И земля Николая Рубцова
 Расстиляет в болотах печаль.

Глухо ропщут кусты бересклета,
 И стенают леса и цветы,
 Окликают земного поэта,
 Но леса и болота пусты.

С неба льётся река дождевая...
 Нет Рубцова. Не скачет верхом.
 Он по небу идёт, окликаая
 Свою землю сердечным стихом.